

ЦЕННОСТИ И ЗНАНИЯ: СЛОЖНОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

¹Национальный университет «Львовская политехника»

В докладе рассматриваются новые, нетрадиционные трактовки соотношения ценностей и знания на основании детального анализа их строения и взаимосвязи в них субъективного и объективного, предметного содержания и интеллектуальной формы. Предложены новые версии разновидностей ценностей, обозначены современные проблемы регламентации ценностей и потенциал сопротивляемости ей со стороны знания и познания.

Ключевые слова: *ценности, знание, предметное содержания, дигнитативные и волютативные ценности.*

Key words: *values, knowledge, substantive content, and dignitativnye volyutativnye values.*

Не так давно казалось, что дискуссии вокруг понятия ценности отошли в прошлое, и наступило время его уравновешенного и академически нейтрального описания. Однако реальное положение дел лишней раз свидетельствует о том, что вечные проблемы имеют свойство не оставлять нас в покое и если не всегда, то, хотя бы, периодически нас будоражить. Наступление ценностных отношений и форм на все элементы и аспекты человеческой жизнедеятельности становится особенно заметным в условиях, которые часто обозначаются как утверждение информационного общества: мощный вихрь информационного урагана вкручивает всех нас не только в тотально знаковую реальность, но и в тотально наступающие и все покрывающие ценностные напластования. Совершается весьма ощутимая и навязчивая ценностная тотализация всего и вся в современном человеческом сообществе. Дело доходит до курьезов, когда на научных обсуждениях и дискуссиях провозглашается тезис о том, что не имеет значения, что, как и насколько обосновано, а что главное – это установка, то есть ценностные предпочтения автора. Конечно, нет смысла становиться с разведенными руками на пути этого мощного потока: все равно все проломит и смоеет, однако есть смысл задуматься хотя бы над тем, какую позицию нам занимать, пребывая даже и внутри него. Целью данного доклада является проведение придирчивого анализа тонкостей и сложностей взаимоотношений двух фундаментальных форм выстраивания отношения человека к действительности – ценностей и знания. Среди задач на первом плане – анализ строения той и другой формы с целью прояснения как общего, так и различий между ними с тем, чтобы затем очертить панораму из возможных отношений. Достаточно важной проблемой нашей темы является также и уточнение вопроса о разновидностях ценностей, поскольку, как уже выяснено в исследовательской литературе, далеко не все, имеющее значимость для человека, является ценностью.

Вопрос о соотношении ценностей и знания часто основывается на том, что знания характеризуются их стремлением к объективности, в то время как ценности очерчиваются как нечто субъективное или в целом, или преимущественно. Есть ли основания для такого разграничения? – Безусловно, есть, однако само по себе такое их очерчивание еще не объясняет того, в какой мере и на

каком основании это возможно. Рассмотрим вопрос пристальней и детальнее. Куда, к какой сфере реальности можно отнести и знание, и ценности? Хотя существует позиция, согласно которой то и другое можно отнести к явлениям объективного плана, все же следует признать: вне человеческого сознания ничто нельзя признать ни знанием, ни ценностью; таким образом, и то, и другое относится к явлениям человеческого интеллекта, то есть – предстают субъективными по статусу существования. Но этот статус отнюдь не лишает знание и ценности отношения к объективному или даже включение объективного в свое строение. Известно, что вне отношения к некоторому предметному содержанию психические и интеллектуальные явления попросту невозможны (Ф.Брентано). Как бы мы не понимали ценности, они не могут быть замкнуты в себе и исключительно на субъективном: в общем плане, как было сказано, ценности определяются как проявление значимости чего-либо для человека. Это «что-либо» с необходимостью присутствует в ценностях. С еще большими основаниями можно говорить о присутствии объективного элемента в знании; знание, согласно наиболее распространенным трактовкам, является формой представительства бытия для сознания. Следовательно, в знании также наличествует такой элемент, который определяется объектом, а не субъектом. В итоге можно утверждать, что как ценности, так и знание в своей реальности или по своему онтологическому статусу представляют собой некоторый образ, созданный (образованный) в сознании (концепт – в средневековом словоупотреблении). Такой образ содержит в себе, в обоих случаях, как то предметное содержание, которое дается в отношении человека к чему-либо (объективное или, точнее, объектное), так и то, что относится к конструктивной деятельности сознания (субъективное). В этом аспекте рассмотрения ценности и знание имеют сходство. Однако они расходятся и различаются тем, какую роль играют названные компоненты образов сознания, как они представлены в образах. В случае знания важную роль играет сознательная рефлексия того содержания, что представлено в образе, с целью столь же осознанного выявления субъективного и объективного и их разведения, не смешивания. Иное дело, когда мы рассматриваем тот образ, который фигурирует как ценность: тут акт сознания, необходимый для конституирования образа, вообще не замечается, он сливается с содержанием, данным в образе, в результате чего такое содержание воспринимается как нечто нераздельное не только с сознанием, но и с самим сознающим человеком. Наверное, более точно можно говорить о личности: ценность, как некоторый интеллектуальный образ, неотделима от личности и от жизненной судьбы человека. Поэтому можно сказать, что истинными для человека оказываются такие ценности, без которых, как ему представляется, его жизнь невыносима. Правда, и в научном познании бывают ситуации, когда в результате отсутствия критической рефлексии тот или иной ученый принимает научное знаниевое (когнитивное) образование за саму действительность; в таком случае некоторое знание может незаметно для его носителя превратиться в ценность, неотделимую от личностных установок ученого.

В современной исследовательской литературе вполне оправдано проведено различие между ценностями и нормами: нормы характеризуют некоторое оптимальное состояние чего-то, в то время как ценности касаются желаемого и даже единственно предпочитаемого должного. Нормы должны необходимо выполняться для того, чтобы некий процесс совершался в нужных параметрах и с нужным результатом, в то время как некоторая ценность может в своем реальном содержании

никогда не реализоваться, выполняя для личности роль некоторого стратегического жизненного ориентира. Например, для большинства людей справедливость, безусловно, является ценностью, но большинство же считает, что справедливость в реальной жизни отсутствует либо вообще невозможна. Говоря о содержательном наполнении ценностей, я считаю возможным и оправданным ввести также различие ценностей *дигнитативных* (ценностей достоинства – от лат. *Dignitas* – достоинство, благородство) и ценностей *валютативных* (ценностей того, что имеет весомую жизненную значимость – от лат. *Valere* – стоять). Так, вполне очевидно, что здоровье, работоспособность, те или иные профессиональные достижения являются ценностями, но по сравнению с честью, честностью, нравственными императивами, первейшими жизненными принципами и предпочтениями они, конечно же, предстают феноменами несколько иного рода. Реальные обстоятельства жизни и потребности жизнеобеспечения порождают целую серию ценностных ориентаций человека, независимо от того, в какой мере люди их понимают и осознают. К ним относятся не только названные выше, но и такие, как социальная стабильность, справедливое судопроизводство, эффективная правовая система общества, обеспечение условий становления и нормального развития подрастающих новых членов общества и т. д. Но все то, что в представлении того или иного человека связано с его достоинством, с, в некотором плане понимаемым им, статусом человека, – все это следует отнести к дигнитативным ценностям. Например, гордость, самоуважение, искренность, доброта, установление для себя человеком твердых границ, которые он никогда не сможет нарушить в отношениях к другим людям, к женщинам, детям, людям преклонного возраста, честность, прямота и пр., – все это, безусловно, принадлежит к ценностям экзистенциального плана, то есть – к дигнитативным. Сюда же, то есть к области дигнитативных ценностей, относятся некоторые предпочтения этического и эстетического плана: например, различие достоинства и позора, стыд и ответственность, органическое приятие некоторых эстетических форм (скажем, мелоса) и пр. То же, что обеспечивает человеку ощущение благополучия, жизненного комфорта или удобства, нужно понимать и принимать как ценности валютативные. Например, дом (жилище, обитель), некоторый круг близких людей, некоторый уровень материального благополучия, комфортность и удобства жизни, профессиональные успехи относятся к валютативным ценностям. И они, при всей их важности и значимости, все же достаточно радикально отличаются от дигнитативных ценностей, поскольку человек может сохранить свое достоинство даже и при отсутствии названных условий жизни. И напротив: не такими уже редкими оказываются ситуации, когда человек имеет все или большинство из названных ценностей и, может быть, еще нечто и сверх того, однако с его личностным достоинством дела могут обстоять весьма проблематично. Одним словом, данные разновидности ценностей не являются взаимно заменяемыми.

Особенно выразительно различие между тем и другим названными видами ценностей проявляется в разном отношении к знанию: что касается валютативных ценностей, то знание является их важным дополнением и даже их составляющей: практически во всех культурах имеется некоторый перечень того, чего желательно было бы иметь человеку или чего он должен стараться достигать в жизни. Ориентация в такого рода ценностях на уровне знания является просто необходимой, поскольку тот, кто от них почему-то отклоняется, становится изгоем. Недаром греки исповедовали такую житейскую мудрость: прибыв в какую-то страну (полис), узнай о ее обычаях и

старайся их выполнять. В значительной степени существующие ныне системы образования и воспитания ориентируются на то, чтобы очертить с помощью знаний (сведений) некоторый круг составляющих и условий правильного человеческого поведения в системе социальных отношений, что невозможно осуществить без некоторой дозы пропаганды, прививания общепринятых валютативных ценностей. Осведомленность в том, что составляет круг принятых в данном обществе (культуре) обязательных и общепризнанных ценностей, органически входит в процессы социализации и инкультурации. Довольно часто важность, необходимость, в том числе – для отдельной личности, принятых в обществе валютативных ценностей может неплохо аргументироваться, доказываться. Что же касается дигнитативных ценностей, то здесь роль знания оказывается более скромной: можно на уровне знания быть прекрасно осведомленным в том, что такое честность и порядочность и, тем не менее, не иметь их в своем сознании в качестве того, без чего не представляется возможным жить. То же самое можно сказать и о других характерных чертах того, что входит в понятие человеческого достоинства. Здесь значительно большее значение, чем знание, имеет то, что в герменевтике (следом за феноменологией) называется первичным жизненным опытом, а такого рода опыт не подлежит однозначным и когнитивно прозрачным преобразованиям в совокупность знаний. В современной философии к условиям приобретения такого опыта относят *присутствие* и *участие*: здесь колоссальное, едва ли решающее значение имеют диалоги человека с миром – сначала на уровне импринтинга, первичных (хотя и не сугубо инстинктивных) реакций на действительность в ее разных проявлениях, реакций на сами такие реакции, встречи с архетипами, некоторыми исходными эйдосами культуры и пр. Понятие *присутствия* прекрасно эксплицировал В.В.Бибихин в цикле лекций под общим названием «Мир»: присутствие не тождественно наличию; можно физически находиться в некотором социальном пространстве, но при этом фактически в нем отсутствовать. Присутствие предполагает принятие некоторого положения дел и некоторую меру участия в нем, то есть с некоторой частью его слиться, совпасть. В мире детского сознания реально присутствует только то, что в него входит, а не просто то, что происходит вокруг. Поэтому первичный опыт личности складывается как бы по крупичкам, частица к частице из всего того, с чем интегрируется душа, или, если хотите, – самость. Возникая на основе первичного опыта личности, дигнитативные ценности начинают играть роль предвосхищения тех ситуаций и событий, в которых оказывается личность. Точнее, нужно было бы сказать, что дигнитативные ценности в значительной степени определяют то, что станет событием для этой личности или с участием этой личности. Например, честного и щепетильного человека легко можно втянуть в некоторую неприятность, зная наперед, что он был и будет честным.

На мой взгляд, дигнитативные ценности следует отнести к разряду явлений не столько когнитивных, сколько онтологических: они выражают статус и топос личности. Но при этом знание, все же, имеет отношение и к дигнитативным ценностям: как всеобщий интеллектуальный обменник (Аристотель), знание способно очертить границы (или проявления) того, что ему противостоит или вообще пребывает за его пределами. То есть знание обозначает проявления, образы и границы дигнитативных ценностей, сообщая нам, в конце концов, что таковые просто существуют, а также и то, как они существуют и проявляется. В данном случае особенно очевидно знание проявляет себя как форма репрезентации бытия для сознания: для сознания есть только то, что обретает форму знания,

хотя бы в констатирующей форме «Это есть». В то же время является достаточно очевидным тот факт, что дигнитативные ценности никак не могут быть редуцированы не только к валютативным, но также и к когнитивным структурам и эквивалентам. Они представляют собой нечто атомарное, то есть цельное и в определенном смысле нам предзаданное, поскольку хорошо известно, что ни логическая аргументация, ни педагогические наставления не порождают те или иные представления о человеческом достоинстве, о гордости и чести. Нельзя сказать, чтобы все это совсем не имело никакого значения и воздействия на человека, но выбор в этих вопросах тех или иных предпочтений, приравнивание результатов такого выбора к жизненной судьбе, к самому смыслу жизни, – все это коренится не в логике, не в воспитании, а в жизненном экзистенциальном топосе личности. Отсюда следует чрезвычайно важный вывод: дигнитативные ценности являются теми островами свободы, которые не могут быть редуцированными ни к социальным технологиям, ни к политическим или идеологическим установкам. Более того, можно сказать, что они являются территориями абсолютной свободы, на которую нельзя воздействовать ни физически, ни интеллектуально. Именно поэтому каждый тоталитарный режим, каждый идеологический прессинг так жаждет взять под контроль то, что происходит в умах подданных, скрывая от себя и в то же время – именно поэтому еще более ревностно желая это сделать из-за скрытого понимания невозможности это сделать. Человеческое достоинство является извечной преградой на пути всякого ранжирования, регламентирования, давления и насилия.

Но в наше время, то есть в условиях небывалого размывания более или менее традиционных устоев жизни, радикальной субъективизации и релятивизации знаний, мультикультурности, глобализации и информационной насыщенности социальных коммуникаций как топос личности, так и ее ценностные ориентации подвергаются деструктивным атакам со стороны названных факторов. Если еще в XIX столетии раздвоение личности считалось психическим заболеванием, то в наше время полифоническая личность, скорее, является нормой, нежели патологией. Если ранее существовали более или менее одобренные социумом представления о том, что соответствует статусу человека, а что ему противоречит, то в наше время общепризнанным считается отсутствие здесь каких-либо однозначных мнений и суждений. В этих условиях, как справедливо отмечали некоторые представители постмодернизма, человек легко превращается в объект социальных и идеологических манипуляций. На их пути, как уже отмечалось, может стать преградой, а для человека предстать опорой, только серьезное отношение к дигнитативным ценностям. Хотя все мы прекрасно понимаем, что человеческое достоинство не определяется суммой получаемого дохода, занимаемой должностью в социальной иерархии, карьерным ростом и пр., но именно перечисленные характеристики чаще всего в современном обществе фигурируют как показатели значимости того или иного человека. От этого нас может спасти только одно – достоинство, связанное с экзистенциально-личностным началом человека.